

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕКС СТАУТ

Умолкнувший
оратор

•

Слишком много
женщин

Санкт-Петербург

Умолкнувший оратор

ГЛАВА 1

Ниро Вулф сидел с закрытыми глазами за письменным столом, откинувшись на спинку огромного кресла.

— Интересный факт... — пробормотал он. — Совместный капитал членов Национальной ассоциации промышленников, присутствовавших на приеме прошлым вечером, оценивается в тридцать миллиардов долларов.

Я запер в сейф чековую книжку, зевнул и вернулся к своему столу.

— Да, сэр, — согласился я, — но не менее интересно, что доисторические строители могильных курганов оставили в штате Огайо больше следов своей деятельности, чем где бы то ни было. В дни моей юности...

— Заткнись! — рявкнул Вулф.

Обидно, конечно, но я смолчал. Во-первых, дело шло к полуночи и меня клонило в сон, а во-вторых, его замечание, возможно, имело отношение к нашему предыдущему разговору, чего нельзя сказать о моей тираде. Мы обсуждали наши финансовые тяготы, изыскивали возможности уплаты налогов и решали прочие денежные вопросы, среди которых не самой маловажной была проблема выплаты мне жалованья. Наши финансы еще не пели романсы, но дела обстояли не лучшим образом. Когда я зевнул в третий раз, Вулф вдруг решительно сказал:

— Арчи, возьми блокнот. Указания на завтра.

В одну секунду сонливость как рукой сняло. Вулф продиктовал мне свои распоряжения и отправился к себе наверх. Полученные на завтра задания настолько завладели моими мыслями, что я вертелся в постели не меньше тридцати секунд, прежде чем меня сморил сон.

ГЛАВА 2

Разговор происходил в среду ближе к концу самого теплого марта за все время существования Нью-Йорка. В четверг погода не изменилась, и я даже не надел пальто, выйдя из нашего особняка на Западной Тридцать пятой улице и направляясь в гараж за машиной. Я был подготовлен к любым случайностям. В бумажнике у меня имелся запас визитных карточек, которые гласили:

АРЧИ ГУДВИН

помощник Ниро Вулфа

Западная Тридцать пятая улица, 922

тел.: Проктор 5-5000

В нагрудном кармане пиджака, помимо обычного содержимого, лежал документ, сфабрикованный мной на пишущей машинке. Он был напечатан в виде служебной записки ОТ Арчи Гудвина ДЛЯ Ниро Вулфа. В записке говорилось: «Разрешение от инспектора Л. Т. Кремера на обследование комнаты в отеле „Уолдорф“ получено. О результатах сообщу по телефону». Сбоку над текстом были нацарапаны чернилами — тоже моя работа, достойная восхищения, — инициалы: «Л. Т. К.».

Убийный отдел находится на Двадцатой улице, меньше чем в миле от нас, и примерно в половине десятого я уже сидел перед обшарпанным старым письменным столом, владелец которого, восседая во вра-

щающемся кресле, хмуро разглядывал какие-то бумаги. У него было круглое красное лицо, маленькие серые глазки, плотно прижатые к черепу уши. Он перенес на меня угрюмый взгляд и проворчал:

— Я чертовски занят. — Глаза его уставились в точку на три дюйма ниже моего подбородка. — Что это ты так расфрантился? Или думаешь, уже Пасха?

— Я не знаю такого закона, который запрещал бы человеку купить себе новую рубашку и галстук, — парировал я. — А может быть, как и полагается детективу, я маскируюсь? Конечно, вы заняты, и я не намерен отнимать у вас время. Хочу просить вас об одолжении, о большом одолжении. Не для себя, так как совершенно уверен, что, окажись я в горящем доме, вы бы немедленно приказали плеснуть в пламя бензина. Я обращаюсь к вам от имени Ниро Вулфа. Он просит вас разрешить мне осмотреть комнату в отеле «Уолдорф», где в прошлый вторник был убит Чейни Бун, и сделать там несколько снимков.

Тут уж инспектор Кремер уставился на мою физиономию, а не на новый галстук.

— Боже правый! — наконец произнес он с горьким негодованием. — Мало мне неприятностей с этим делом! Не хватало только Ниро Вулфа. И вот он тут как тут! — Кремер задвигал челюстью, раздраженно глядя на меня. — Кто ваш клиент?

— Не знаю я ни о каком клиенте, — покачал я головой. — Насколько я понимаю, дело просто в любознательности Ниро Вулфа. Он интересуется преступлениями, которые...

— Ты слышал мой вопрос? Кто ваш клиент?

— Нет, сэр, — с сожалением отозвался я. — Разрежьте меня на куски, выньте сердце и пошлите на исследование в лабораторию, и вы увидите: на нем начертано, что я ничего не...

- Хватит! — Кремер снова уткнулся в бумаги.
- Я знаю, инспектор, что вы заняты. — Я поднялся с места. — Но мистер Вулф будет весьма признателен, если вы разрешите осмотреть...
- Чушь! — не поднимая головы, бросил он. — Вы не нуждаетесь ни в каком разрешении для осмотра комнаты и прекрасно это знаете! Мы проделали там все, что требовалось, а помещение это является частным владением. Впервые слышу, чтобы вы добивались официального разрешения властей. Будь у меня время, я попытался бы узнать, что за этим скрывается, но я слишком занят. Убирайся!
- Боже мой! — обескураженно произнес я, направляясь к двери. — Подозрительность... Вечно одна подозрительность! Что за человек?!

ГЛАВА 3

По внешнему виду и манерам Джонни Дарст был чрезвычайно далек от того представления, которое вы могли бы составить о сыщике, служащем в гостинице. Его скорее можно было принять за вице-президента какого-нибудь треста или за распорядителя гольф-клуба. Мы находились в небольшой комнате. Он молча глядел на меня, а я рассматривал обстановку, состоявшую из маленького столика, зеркала и нескольких стульев. Поскольку Джонни был отнюдь не дурак, я даже не пытался сделать вид, будто что-то скрываю.

— Скажите, а что вы ищете? — вежливо поинтересовался он.

— Ничего определенного, — ответил я. — Я работаю на Ниро Вулфа точно так же, как вы работаете на хозяев «Уоллдорфа». Он послал меня сюда, и вот я здесь. Ковры поменяли?

— Сами понимаете — кровь, — кивнул он, — правда, не очень много. Кое-что забрала полиция.

— Судя по газетным сведениям, здесь четыре такие комнаты, по две с каждой стороны сцены?

Он опять кивнул:

— Используются в качестве артистических уборных. Конечно, Чейни Бун отнюдь не был артистом, но хотел подготовиться к выступлению, и его провели сюда, чтобы никто не мешал. Большой бальный зал отеля «Уолдорф» лучше других оборудован...

— Бесспорно! — охотно согласился я. — Хозяева должны платить вам надбавку к жалованью за рекламе. Что ж, весьма признателен.

— Узнали, что было нужно?

— Да, пожалуй.

— Могу показать вам место, откуда он должен был произнести речь.

— Спасибо, в следующий раз.

Он спустился вместе со мной в лифте и проводил до выхода. Мы оба прекрасно понимали, что хозяева отелей одобряют присутствие лишь тех частных детективов, которых сами и нанимают. На прощание он все же, как бы невзначай, спросил:

— А на кого работает Вулф?

— Наивный вопрос, — ответил я. — Он работает, во-первых, во-вторых и в-последних, на Вулфа. Если подумать, то и я тоже. Парень, я преданный.

ГЛАВА 4

Без четверти одиннадцать я оставил машину на стоянке у Фоли-сквер, вошел в здание федерального суда и поднялся на лифте.

Я встретил там с десяток сотрудников ФБР, с которыми свел знакомство во время войны, когда Вулф работал на правительство, а я служил в военной разведке. Мы с Вулфом решили, что Дж. Дж. Спиро, будучи процента на три болтливее остальных, окажется

для нас полезным, поэтому именно ему я послал свою визитную карточку. Не прошло и мгновения, как аккуратная деловая девица провела меня в аккуратный деловой кабинет, где меня встретило аккуратное деловое лицо — Дж. Дж. Спиро из ФБР. Мы церемонно приветствовали друг друга, и затем, придав своему голосу сердечность, он спросил:

— Ну-с, майор, чем мы можем быть вам полезны?

— Окажите мне две любезности, — сказал я. — Во-первых, перестаньте величать майором. Я уже давно снял форму. Кроме того, я страдаю комплексом неполноценности, так как должен был бы носить звание полковника. Во-вторых, у меня просьба от Ниро Вулфа, конфиденциальная. Конечно, он мог бы просто позвонить вашему шефу, но не хочет беспокоить его по таким пустякам. Речь идет об убийстве Буна. Нам сказали, что в расследование вмешалось ФБР, а как известно, обычно вы не интересуетесь такими делами. Мистер Вулф хотел бы узнать: может быть, Федеральному бюро нежелательно, чтобы частный детектив проявлял интерес к этому делу?

Спиро все еще пытался играть роль доброжелательного чиновника, но выучка оказалась сильнее его. Он принялся барабанить по столу пальцами, но тут же прекратил и поспешно убрал руку. Сотрудники ФБР не барабанили пальцами по столу.

— Дело Буна... — протянул он.

— Совершенно верно, дело Чейни Буна.

— Да-да, припоминаю... Но если оставить на секунду интересы ФБР, то в чем, собственно, состоит интерес мистера Вулфа?

Он насакивал на меня со всех сторон. Полчаса спустя я ушел с тем, с чем и ожидал уйти, — ни с чем. Надежда на то, что он на три процента болтливее остальных, не оправдалась.

ГЛАВА 5

Последнее задание оказалось самым трудным. Главным образом потому, что я столкнулся с совершенно незнакомыми мне людьми. Я не знал ни единого человека, связанного с Национальной ассоциацией промышленников (НАП), и был вынужден начать с нуля. Как только я поднялся в офис ассоциации на тридцатом этаже здания, расположенного на Сорок первой улице, вся обстановка сразу же произвела на меня дурное впечатление. Приемная слишком велика, слишком много денег потрачено на ковры, обои, мебель. И девица за стойкой, хотя и являлась недурным экземпляром с точки зрения экстерьера, безусловно, была подсоединена к морозильной камере. Уж так холодна, что я не видел ни малейшего шанса растопить лед. Я умею быстро сближаться с представительницами слабого пола в возрасте от двадцати до тридцати и более лет, если они отвечают определенным стандартам в плане силуэта и окраски, но с этим образчиком найти общий язык я не мог. Уразумев это с первого взгляда, я протянул ей свою визитную карточку и сказал, что желаю видеть Хэтти Хардинг.

Это вызвало такие трудности, словно Хэтти Хардинг являлась богиней-хранительницей храма, а не помощником президента НАП по связям с общественностью. Наконец я был пропущен к ней. Просторный кабинет, ковры, добротная мягкая мебель. Имелись достоинства и у нее лично, но как раз те, что пробуждают во мне один-два моих самых опасных инстинкта, причем отнюдь не те, о которых некоторые могли бы подумать. Ей было где-то между двадцатью шестью и сорока восьмью годами. Высокая, стройная, со вкусом одетая. Строгий, властный взгляд ее темных глаз буквально с первой же секунды говорил вам, что эти глаза многое в жизни повидали и все знают.

— Мне доставляет истинное удовольствие видеть самого Арчи Гудвина, явившегося от самого Ниро Вулфа, — заявила она, крепко пожимая мне руку. — Поверьте, истинное удовольствие. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Я имею в виду, что вы явились от Ниро Вулфа.

— По прямой, мисс Хардинг. Как пчела летит с цветка.

— Да? А не на цветок? — рассмеялась она.

В ответ рассмеялся и я. Теперь мы были на дружеской ноге.

— Так действительно будет ближе к истине. Признаться, я прилетел сюда заполучить бочку нектара. Для Ниро Вулфа. Ему может понадобится список членов НАП, которые присутствовали на приеме в отеле «Уолдорф» во вторник вечером, потому Вулф и послал меня к вам. Копия предварительного списка у него имеется, но ему необходимо знать, кто из этого списка не явился на прием, а кто пришел сверх списка. Ну как, я правильно построил фразу?

Она молчала. На лице у нее появилось выражение озабоченности.

— Почему бы нам не присесть? — вовсе не по-приятельски предложила она и направилась к стульям, стоявшим у окна.

Но я сделал вид, что не заметил этого, и подошел к одному из стульев для посетителей перед ее письменным столом, так что ей пришлось занять свое рабочее место. Состряпанная мной записка Ниро Вулфу, которую я завизировал инициалами инспектора Кремера, покоилась в кармане пиджака, и ей предстояло случайно выпасть на пол кабинета мисс Хардинг, а поскольку нас разделял стол, это была несложная операция.

— Интересно, для чего мистеру Вулфу понадобился список? — спросила она.

— Если честно, я могу ответить на ваш вопрос только ложью. — Я улыбнулся. — Список необходим ему, чтобы попросить автограф у присутствовавших на приеме.

— Я буду так же честна с вами, мистер Гудвин, — улыбнулась она в ответ. — Вы, конечно, понимаете, что случившееся несчастье в высшей степени неприятно для нашей ассоциации. Только представьте себе: наш гость, основной оратор на вечере, директор Бюро регулирования цен, убит перед началом приема. Я оказалась в чертовски неловком положении... Даже если в течение последних десяти лет отдел связей с общественностью, которым я руковожу, оставался на высоте, что я отнюдь не вменяю себе в заслугу, все мои усилия могут пойти насмарку из-за того, что произошло там в течение десяти секунд. Поэтому не...

— Почему вы думаете, что это произошло в течение десяти секунд?

Она удивленно заморгала:

— Но ведь... должно быть... так, как все произошло...

— Не доказано, — беспечно сказал я. — Его четыре раза ударили гаечным ключом по голове. Конечно, это можно проделать и за десять секунд, но предположите, что убийца ударил его в первый раз, Бун потерял сознание, убийца, передохнув, снова ударил его, опять перевел дух, ударил в третий раз...

— О чем это вы?! — оборвала она меня. — Хотите показать, насколько вы несносны?

— Нет. Просто демонстрирую, как могут рассуждать те, кто расследует убийство. Если бы вы заявили полиции, что преступление совершено в течение десяти секунд, вам было бы несдобровать. А у меня это

в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Во всяком случае, я этим не интересуюсь. Я пришел по поручению мистера Вулфа, и мы были бы чрезвычайно признательны вам за список, о котором я говорил.

Я приготовился выслушать что-нибудь вроде речи и опешил, увидев, как она закрыла лицо руками. Ей-богу, даже подумал, что она вот-вот заплачет от отчаяния по поводу безвременной кончины связей с общественностью, однако она лишь прижала ладони к глазам и осталась так сидеть. Это был самый подходящий момент, чтобы бросить записку на ковер, что я и проделал.

Мисс Хардинг не отнимала ладони от лица так долго, что я успел бы раскидать по полу целую кипу бумажек, но когда она наконец убрала руки, ее взгляд оставался по-прежнему властным.

— Извините, — сказала она, — но я не спала две ночи и совершенно разбита. Я вынуждена просить вас уйти. Через десять минут у мистера Эрскина должно начаться еще одно совещание по поводу убийства Буна, и мне надо подготовиться. К тому же вы отлично понимаете, что я не могу дать вам список без ведома и согласия начальства. Кроме того, у мистера Вулфа, как я слышала, тесные связи с полицией. Почему бы вам не затребовать список у нее? Кстати, о вашем умении строить фразы. Слушайте, как я говорю, и учитесь. И наконец, скажите мне — я искренне надеюсь, что вы это сделаете, — кто поручил мистеру Вулфу взяться за это дело?

Я покачал головой и поднялся:

— Я нахожусь точно в таком же положении, как и вы, мисс Хардинг. Я не могу ничего сделать, даже ответить на простой вопрос, без санкции свыше. Может быть, мы придем к соглашению? Я спрошу мистера Вулфа, можно ли мне ответить на ваш вопрос, а вы

спросите мистера Эрскина, можно ли дать мне список Успешного совещания!

Мы пожали друг другу руки, и я не мешкая прошагал по коврам к двери, чтобы она не успела обнаружить на полу записку и вернуть ее мне.

В это время дня движение на улицах такое плотное, что я едва тащился. Остановив машину у старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, принадлежащего Ниро Вулфу и являющегося моим домом вот уже в течение десяти лет, я поднялся на крыльцо и попытался отпереть ключом дверь, но она оказалась на засове, и мне пришлось позвонить. Открыл мне Фриц Бреннер, повар и домоправитель. Проинформировав его, что шансы на получение в субботу жалованья у нас есть, я направился через прихожую в кабинет.

Вулф сидел за своим столом и читал книгу. Только здесь он чувствовал себя удобно. В доме были и другие кресла, сделанные по специальному заказу и гарантированно выдерживающие нагрузку до пятисот фунтов. Одно из них стояло в его спальне, второе — на кухне, третье — в столовой, четвертое — в оранжерее на крыше, где выращивались орхидеи, и пятое — в кабинете, за его рабочим столом, рядом с огромным глобусом диаметром более двух футов и книжными полками. Именно в этом кресле Вулф проводил большую часть суток.

Как обычно, он даже не поднял глаз, когда я вошел. И как обычно, я не обратил на это ни малейшего внимания.

— Крючки наживлены, — громко сказал я. — Возможно, в этот самый момент по радио передают, что Ниро Вулф, величайший из всех ныне здравствующих частных детективов, когда ему хочется работать,

что происходит довольно редко, занялся делом Буна. Включить?

Вулф дочитал до точки, загнул уголок страницы и отложил книгу в сторону.

— Нет, сейчас время ланча, — сказал он и взглянул на меня. — Наверное, вопреки обыкновению, ты был излишне открыт. Звонил инспектор Кремер. Звонил мистер Трэвис из ФБР. Звонил мистер Роде из отеля «Уолдорф». Боюсь, они могут пожаловать сюда, поэтому я велел Фрицу запереть дверь на засов.

Вот и все, что он произнес в этот момент или, вернее, в течение ближайшего часа, так как появившийся Фриц объявил, что кушать подано. Ланч в тот день состоял из кукурузных лепешек и свиной вырезки в сухарях, кукурузных лепешек и острого томатно-сырного соуса и, наконец, кукурузных лепешек с медом. Фриц умел виртуозно рассчитывать время подачи лепешек. Едва кто-нибудь из нас успевал прикончить, скажем, одиннадцатую лепешку, как Фриц прямо с пылу с жару подавал двенадцатую.

ГЛАВА 6

Я назвал это операцией «Платежная ведомость». Согласен, что такое название было дано несколько преждевременно. Помимо жалованья Фрицу Бреннеру, уборщику Чарли, Теодору Хорстману, который ухаживал за орхидеями, мне предстояли и другие расходы, слишком многочисленные, чтобы их перечислять. Однако, исходя из правила называть вещи своими именами, я назвал это именно так.

Утром в пятницу мы наконец поймали рыбку, за которой охотились. В четверг вечером произошли два непредвиденных визита. Первым явился инспектор Кремер, вторым Дж. Дж. Спиро из ФБР. Вулф распо-